

✦ Классическое наследие

МЕЛВИЛЛ ДЖ. ХЕРСКОВИЦ

ЗНАЧИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ АККУЛЬТУРАЦИИ ДЛЯ АНТРОПОЛОГИИ*

Аннотация: В статье автор рассматривает исторический фон, на котором развивались исследования аккультурации, и показывает, какое место они должны занять в антропологии. Он отстаивает точку зрения, что этот подход обладает существенными преимуществами как над статическими подходами, игнорирующими временную глубину изучаемого предмета, так и над спекулятивными историческими реконструкциями эволюционистов.

Abstract: In this paper the author outlines the historical background of the rise of acculturation studies and demonstrates their proper place in anthropology. He maintains that this approach has important advantages both over static approaches which neglect the temporal depth of their subject matter and over speculative historical reconstructions of evolutionists.

Ключевые слова: аккультурация, исследования аккультурации.

Keywords: acculturation, acculturation studies.

Важной тенденцией в антропологии в последние годы стал растущий интерес к изучению народов, чьи образы жизни претерпевают или уже претерпели огромное изменение в результате достоверно устанавливаемых контактов с чужими культурами. «Аккультурация» — термин, введенный в нашей стране в оборот для таких исследований, — была определена как охватывающая «феномены, которые возникают тогда, когда группы индивидов, имеющие разные культуры, входят в непрерывный прямой контакт и в итоге происходят изменения в исходных культурных паттернах какой-то одной или обеих групп» (см. прим. 1). Это определение ограничивает аккультурацию теми аспектами культурного изменения, которые стали результатом прямого контакта между народами. Оно явно не различает контакты между историческими и бесписьменными народами и контакты между двумя примитивными народами. Не затрагивает оно и мотиваций, скрывающихся за исследованиями этих культур, хотя никакое обсуждение важности изучения аккультурации для продвижения к целям антропологических исследований не было бы реалистическим в своей трактовке, если бы не брало в расчет то, что речь здесь идет о стыке научной и «прикладной» антропологии.

---

* Перевод сделан по источнику: *Herskovits M.J. The Significance of the Study of Acculturation for Anthropology // American Anthropologist. 1937. Vol. 39. № 2. P. 259-264.*

Чтобы оценить значимость исследований аккультурации, надо сначала кратко обрисовать исторический фон антропологической теории, на котором они появились. Когда на рубеже XIX–XX вв. объяснения, предлагаемые эволюционной школой, стали явно неприемлемыми, развился в большей степени индуктивный способ изучения культуры, основанный на полевом исследовании примитивной жизни. Но хотя считалось, что из собранных таким образом данных можно получить надежные обобщения о процессах культурной динамики, колоссальные массивы тщательно контролируемых полевых отчетов использовались главным образом для реконструкции исторических контактов между народами, то есть в попытках восстановить процессы незаписанной истории. В нашей стране такие реконструкции, как правило, ограничивались определенными ареалами, где имела высокая вероятность того, что предполагаемые контакты действительно имели место. Между тем в Европе, где история стала едва ли не фетишем, вошли в моду логические дедукции, выводимые из нанесения на карту ширококомасштабных всемирных распределений культурных черт при почти полном безразличии к их культурным контекстам. Недостатком таких исследований, как было ясно понято, по крайней мере, в нашей стране, было то, что при реконструкции не зафиксированной в документах истории, в отсутствие контроля со стороны документальной истории, которую знают историки, не существует никакой техники, посредством которой можно было бы подтвердить достоверность одного вывода в противовес другому, часто полученному из тех же данных.

Отсюда начало расти беспокойство, что, хотя культуры и изучаются с максимально возможной объективностью, связь между культурой и ее человеческими носителями продолжает оставаться неясной. Со временем эта методологическая самокритика породила подход, ищущий новых акцентов в изучении культуры. У членов примитивных сообществ стали собирать автобиографии; стали анализировать мифологию с целью показать, как в ней отражается ее культурный контекст; принялись исследовать место всякого рода культурных феноменов, от искусства до технологии, «в умах людей», как это иногда называлось. Однако до тех пор, пока эта новая тенденция не оформилась достаточно четко, чтобы ясно указать направление, в котором развиваются полевые исследования, сохранялась склонность выступать против исторического рассмотрения, которое, как вполне можно признать, означает гораздо больше, чем требование воссоздания последовательности событий, не зафиксированной в исторических документах. Между тем, пока формулировка этой тенденции мысли кристаллизовывалась, ее позиция, особенно в Англии, выросла до утверждений, будто всякое историческое рассмотрение «антикварное» и потому представляет мало научной ценности. Следовательно, всякая мысль об истории отвергалась, и понимание культуры искали в интенсивном исследовании взаимосвязей между аспектами одной цивилизации, их интеграции друг с другом и влияния их взаимодействия на психологию индивидов, которые их манифестируют.

Хотя для американских антропологов последнее было не ново, та настойчивость, с которой эта антиисторическая позиция воспроизводилась снова и снова, служила ускорению движения, уже находившегося в здоровом состоянии роста. Хотя исследованиями антиисториков недоставало некоторой широты обзора и; хотя они демонстрировали некоторую поверхностность, обусловленную непризнанием важности временной глубины, они все-таки часто открывали в изучаемых культурах ценности, которые исследование, менее склонное к определению внутренних связей эле-

ментов в данной цивилизации, обычно упускало из виду. Аналогичным образом, хотя отказ принять во внимание историческую часть культуры обусловил некоторую наивность, когда антиисторическая школа приступила к изучению народов, не живущих в состоянии крайней изоляции, верно также и то, что ее отказ от исторических реконструкций и картографирования распределений дал ей возможность представить куда более правдоподобный портрет примитивных народов, чем тот, который был бы возможен при исследовании «черт».

Вот на этом фоне и стало проектироваться изучение аккультурации в достаточно больших масштабах, чтобы стала возможной формулировка ее предмета и проблем. Дело не в том, что антропологи прежде пренебрегали значимостью изучения культур в контакте, ведь антропологические исследования, проводимые в племенах североамериканских индейцев, в Мексике, среди негров Нового Света и других народов, имеющих гибридные культуры, показали возможности, заключенные в научном методе этого типа, а в Европе растущее признание важности знания традиций подвластных народов для европейских колониальных администраторов предзнаменовало новое место для этой области интереса. Речь скорее идет о том, что порыв к изучению таких культур был слишком рассеянным, чтобы стимулировать продолжение активной работы, направленной прежде всего на достижение этой цели. Следовательно, несмотря на всю эту раннюю работу и ее более многочисленные недавние аналоги, понятия все еще остаются туманными, методы — совершенно неадекватными, а подразумеваемые цели — разными. И это делает настоятельно необходимым прояснить положение исследований аккультурации в антропологическом репертуаре и вклад, которого от них следует ожидать.

С самого начала необходимо подчеркнуть, что изучение аккультурации устраняет разрыв между двумя нынешними крайними мнениями, которых антропологи придерживаются в отношении проблем и методов собственной дисциплины, и, стало быть, оно должно занять свое место рядом с другими антропологическими подходами к изучению культуры. Если подойти к делу с точки зрения культурной динамики и важности культуры как исторического континуума, то мы увидим, что, за исключением редких случаев, из всех, кто занимается примитивными обществами, только исследователь аккультурации имеет возможность работать в условиях контроля со стороны документально зафиксированной истории. С другой стороны, исследователи аккультурации находятся также в стратегическом положении, позволяющем им исследовать взаимосвязи между элементами той или иной культуры, а также то, как функционирование целого влияет на живущих под его властью индивидов. Ибо где лучше анализировать механизмы культуры, как не в условиях, где в разной степени действовали или действуют силы, являющиеся известными сущностями, а не гипотетическими реконструкциями? Как лучше подойти к сложным проблемам внутренних связей между элементами данной культуры и их влияния на личность, нежели в ситуациях, где психологические стрессы и напряжение, сопутствующие культурному изменению, дают исследователю возможность наблюдать — в условиях известного исторического контроля — результаты изменений в установленных привычках мнения и поведения? Разве не очевидно, что если будет проведен компетентный анализ стартовой линии (base-line), с которой процесс изменения в данном обществе берет свое начало, и будут тщательно описаны последствия дальнейшего культурного контакта, находимые в жизни народа, то станет возможным более точ-

ное определение способа культурного изменения и внутренней связи элементов культуры, чем вытекающее из применения любого другого метода.

Антрополог, который изучает аккультурацию с целью понимания процессов культуры, располагает, прежде всего, материалами исторической документации. Подчеркнуть это здесь особенно уместно, ибо стало обычным делом, что исследователи примитивной жизни забывают об исторических документах, имеющих отношение к изучаемым ими народам. Между тем в исследованиях аккультурации обращение к истории — то есть к действительной документированной истории, а не к «историческим» реконструкциям — имеет обязательный характер. В качестве хорошего примера можно взять изучение нынешней гаитянской крестьянской культуры. Здесь исторический анализ, базирующийся на этнологических основаниях, позволил идентифицировать африканские племена, внесшие вклад в негритянскую родословную нынешнего гаитянского населения; благодаря этому африканские элементы в культуре сегодняшнего Гаити можно точно соотнести с их источниками, и в такой же степени этот подход дал возможность восстановить культурную среду французских господ, представавшую глазам их рабов. В результате можно ясно увидеть то, как аборигенные аспекты культуры сохранялись на Гаити перед лицом ужасающего подавления, а также то, как в более мягкие времена непрекращающийся процесс комбинирования и преобразования французского и африканского обычая привел к тому, что возникшая в итоге культурная сущность демонстрирует в настоящее время, по крайней мере во внешних аспектах, характерные формы единой функционирующей культуры. Другие примеры дает Мексика; можно анализировать аспект за аспектом культуру живущих там ныне индейцев и изучать целое на основе известного исторического прошлого, и в результате, как было показано в отношении ряда элементов единой мексиканской культуры, ранние документы позволяют понять непостижимые иным образом аномалии в ее нынешней организации.

Через изучение аккультурации могут быть наиболее результативно исследованы многие специфические проблемы культурной динамики. На основе известных данных, а не гипотетических допущений, можно оценить относительную стабильность материальных элементов культуры, в отличие от неосязаемых элементов традиции; схожим образом можно изучить и такие проблемы, как относительный консерватизм мужчин и женщин. Сила или бессилие индивида перед лицом установленной традиции, механизмы, позволяющие индивиду вызывать культурное изменение или добиваться культурной стабильности, силы воспитания, обуславливающие индивида к принятию паттернов поведения, санкционированных его обществом, — такого рода проблемы, как и многие другие, плодотворнее всего изучать там, где культуры вошли в текущее состояние под воздействием контакта с новыми совокупностями технологий, представлений и традиционного поведения.

Следовательно, этим и многими другими способами аккультурация усиливает исторический фланг антропологических исследований. Но какое место занимает на стороне тех, кого интересует не динамика культуры, а взаимодействие частей одной культуры, рассматриваемой как целое в едином временном срезе, и влияние культуры на формирование привычных реакций и личностей людей, живущих под ее воздействием? Здесь также не менее полезно изучение культур в контакте. Ведь именно в условиях изменения предметы первостепенного интереса антиисториков видны яснее всего; там, где традиции входят в конфликт, переприспособления вну-

три культуры, присущие процессу порождения удачных комбинаций потомственных черт с нововведенными, могут пролить яркий свет на то, как элементы культуры взаимно связываются и как функционирует результирующее целое, а в тех ситуациях, где традиции сталкиваются в конфликте, яснее видны личные приспособления к сцене. Если еще раз сослаться на Гаити, где непрерывный контакт между французами и африканцами имел результатом многовековую консолидацию традиций, то в этом случае можно не только с наибольшей ясностью увидеть функционирование всего кода гаитянской культуры в ее нынешней гибридной форме, ввиду его двойственной природы, но и быстро разглядеть то, как в технологии, социальной и экономической организации, религии, музыке и танце потомственные компоненты в результате движения исторического калейдоскопа приняли новые формы. Если одновременно рассмотреть то, как дихотомия, явленная элементами гаитянской культуры, повлияла на психологию гаитянина — приведя в результате к состоянию «жизни на одних нервах», как выразился на основе долгого наблюдения своего народа один гаитянский врач, — то можно спросить, разве нельзя в случае других культур, претерпевших или претерпевающих схожие опыты, ожидать от исследований аккультурации дальнейшего продвижения к целям тех исследователей культуры, которые интересуются больше формой, чем процессом, больше личностями, чем ходом истории?

Последнее слово будет о целях, на которые направлены исследования аккультурации. Многие ученые-антропологи все более скептически настроены по поводу исследований культурного контакта ввиду идущих из определенных кругов настойчивых утверждений об их важности для того, что стало называться «прикладной антропологией». Искренне допуская скепсис, который могут вызывать подобные утверждения — ибо мы до сих пор не знаем о культуре достаточно, чтобы определять судьбы народов, утративших контроль над направлением собственных дел в силу превосходящей мощи европейских наций (см. прим. 2), — мы, тем не менее, ясно видим, что ценность научного изучения культурного контакта нельзя считать менее обоснованной из-за возможного злоупотребления им со стороны тех, у кого есть для этого свои особые мотивы. К счастью, мало кто советует антропологам ограничить их деятельность более конвенциональными задачами — требуя, чтобы они либо посвятили себя исключительно анализу «беспримесных» культур, находимых в дальних уголках земного шара, либо, когда приходится изучать культуры разрушенные, пытались лишь восстановить аборигенные модели поведения и уделяли мало внимания нынешнему состоянию таких культур и следствиям этого состояния для их нынешних карьер. Разумеется, в случае бесчисленных проблем африканистики, имеющих антропологическую значимость (где бы они ни изучались, в Африке или в Новом Свете), такое жесткое ограничение не только действовало бы как смирительная рубашка, но и — учитывая, что фактор контакта здесь является постоянным и решающим, — сделало бы их изучение совершенно невозможным, особенно потому что справиться с ними позволяют лишь антропологические методы. Хотя в африканистике, как и в области исследований американских индейцев, некоторые важные проблемы могут быть решены и преимущественно решаются «пуристским» методом, его догматическое и исключительное воспроизведение должно неизбежно привести к стерильности. Ввиду этого мы настаиваем, что для базового понимания проблем, касающихся природы и механизма культуры и связи между культурой и ее носителями, подход, опирающийся на исследования аккультурации, давая больший

контроль над анализируемыми данными и позволяя антропологу использовать лабораторию истории, должен играть все возрастающую роль в антропологических изысканиях.

Примечания

1. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation // American Anthropologist. 1936. Vol. 38. P. 149-152.

2. См.: Herskovits M.J. Applied Anthropology and the American Anthropologist // Science. 1936. Vol. 83. P. 215-222.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

МАКС ГЛАКМЕН

ПОЛЕЗНОСТЬ МОДЕЛИ РАВНОВЕСИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ*

Аннотация: В статье отстаивается тезис о плодотворности и необходимости использования модели равновесия как метода изучения не только структуры социальных систем и институтов, но и разных типов социальных изменений – от повторяющихся до радикальных структурных. Модель равновесия рассматривается как рамка, в соотнесении с которой устанавливаются социальные изменения и проясняется их характер и степень. Применение этого метода требует помещения синхронических наблюдений в контекст «структурных длительностей» соответствующих институтов, то есть особых временных шкал, встроенных в структуру этих институтов. Этот тип исследования и анализа иллюстрируется примерами изучения различных социальных сфер.

Abstract: In this article the author claims the fruitfulness and necessity of the equilibrium model as a method for the study of not merely the structure of social systems and institutions but also of different kinds of social change, from repetitive to radical structural ones. The equilibrium model is regarded as a framework through which it is possible to establish the social change and its character and extent. The use of this method requires placing synchronic observations into the setting of structural durations of the institutions involved, i.e. the specific time-scales built in their

---

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета «Высшая школа экономики» (Москва). Наш постоянный автор и переводчик. E-mail: vnik1968@yandex.ru.

---

* Перевод сделан по источнику: Gluckman M. The Utility of the Equilibrium Model in the Study of Social Change // American Anthropologist. 1968. Vol. 70. № 2. P. 219-237.

Пленарный доклад в Американской антропологической ассоциации, 1966. Публикация этого доклада стала возможной благодаря финансовой помощи Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research.